

В. В. БЕЛЯКОВ

РУССКИЕ СОЛДАТЫ
В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

1940 – 1945 гг.

Эль-Аламейн

Неизвестные
страницы
войны

Владимир Беляков

**Русские солдаты в
Северной Африке (1940–
1945 гг.). Эль-Аламейн:
неизвестные страницы войны**

«Алетейя»

2017

УДК 94(100)"1939/45"
ББК 63.3(0)62

Беляков В. В.

Русские солдаты в Северной Африке (1940–1945 гг.). Эль-Аламейн: неизвестные страницы войны / В. В. Беляков — «Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906980-08-3

Книга доктора исторических наук В. В. Белякова основана на уникальных материалах, которые он почти тридцать лет собирал в странах Северной Африки и российских архивах, и восстанавливает неизвестные страницы Второй мировой войны. Читатели узнают о судьбах советских военнопленных, переброшенных в Африку для вспомогательных работ в тылу итало-немецких войск, об участии русских эмигрантов в борьбе с фашизмом на севере «черного континента», о репатриации освобожденных союзниками из плена в Италии красноармейцев на родину через Египет. Живой рассказ в жанре расследования ведется на фоне истории североафриканской кампании, мало известной российскому читателю, и описания обстановки того времени в странах Северной Африки глазами наших соотечественников.

УДК 94(100)"1939/45"

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-906980-08-3

© Беляков В. В., 2017

© Алетейя, 2017

Содержание

Глава первая	6
До Эль-Аламейна	7
Эль-Аламейн	10
После Эль-Аламейна	14
Глава вторая	16
Под бомбами фашистов	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владимир Беляков

Русские солдаты в Северной Африке (1940–1945 гг.) Эль-Аламейн: неизвестные страницы войны

Книга, которую вы, уважаемый читатель, держите в руках, невелика по объему. Но чтобы написать ее, мне потребовалось тридцать лет. Тридцать лет кропотливых поисков в Египте и Ливии, в Тунисе и на Украине, в российских архивах и в литературе о Второй мировой войне. Я переписывался с ветеранами из республик бывшего Советского Союза, Канады и Франции, Англии и Новой Зеландии. Не раз мои поиски заходили в тупик. Но, к счастью, вскоре всегда появлялась новая ниточка, за которую можно было не без надежды на успех потянуть, чтобы добыть новую крупицу информации о наших соотечественниках, оказавшихся волею судеб в Северной Африке в годы жесточайшей в истории войны.

А начались мои поиски летом 1987 года. В ту пору я работал в Каире корреспондентом газеты «Правда». Толчком послужило письмо из Москвы от коллеги-арабиста Вячеслава Афанасьева. В конверт была вложена вырезка из газеты «Советская Россия» от 21 июня. Небольшая заметка за подписью «А. Новоточинов» называлась «Это не миф, а забытая правда». Приведу ее с небольшими сокращениями.

«Держу в руках фотографию, которую сделал Н.Н. Степанов, корреспондент АПН в Алжире. На обелиске высечены звезда и подпись: “И. Остапченко – советский солдат, июнь 1943-го”. Кто он, советский солдат, похороненный на военном английском кладбище Дели Ибрахим? До сих пор не было сведений о том, что в составе 8-й английской армии во время североафриканской кампании против Роммеля сражались советские солдаты!»

Правда, еще в начале 50-х годов советский писатель Сергей Александрович Борзенко, работая корреспондентом “Правды”, случайно узнал, что в 1942 году против полчищ Роммеля бок о бок с англичанами сражались советские бойцы. Они бежали из немецкого плена в первые годы войны и, каким-то образом переправившись через Ла-Мани, попали в Англию.

Работая в Индии, Борзенко встречался с английским отставным генералом Клодом Окинлеком, бывшим командующим 8-й армией в Египте. Из рассказов генерала стало ясно: русские в английской армии – не миф, а забытая правда...»

Афанасьев знал, что журналистское расследование – мой любимый жанр, что есть у меня и академическая подготовка: еще в 1977 году я защитил кандидатскую диссертацию по истории. Да и время было такое, перестройка, когда много чего неизвестного ранее всплывало на поверхность – или вытаскивалось на свет божий из пыльных углов. «Может, съездишь в Эль-Аламейн, поищешь там следы наших?» – писал мне Слава.

Родился я через пять лет после Великой Победы, но мой отец, полковник Советской Армии, прошел всю войну, заслужив дюжину орденов и медалей. Я рос под рассказы отца и его боевых друзей о Великой Отечественной войне, и, казалось, сам имел к ней какое-то отношение. Не принять предложение Афанасьева я просто не мог.

И я отправился в Эль-Аламейн.

Но прежде, чем рассказать о том, что я там нашел, напомним основные этапы североафриканской кампании, а заодно приведу свидетельства наших соотечественников, находившихся в это время в Египте.

Глава первая

До и после Эль-Аламейна

Эль-Аламейн – маленькое местечко в пустыне на берегу Средиземного моря, в ста километрах к западу от Александрии. Два десятка домиков, бензоколонка, ресторанчик... Казалось бы, делать там чужестранцу совершенно нечего. И тем не менее почти каждый день останавливаются в Эль-Аламейне туристические автобусы. Потому что в годы Второй мировой войны это место стало знаменитым, и по сей день оно хранит зримые следы драматических событий 75-летней давности.

Поздней осенью 1942 года возле Эль-Аламейна, в песках, зажатых между морем и непроходимой Каттарской впадиной, шло кровопролитное сражение. Войска союзников по антигитлеровской коалиции перешли от обороны к наступлению и разгромили германо-итальянский экспедиционный корпус под командованием фельдмаршала Роммеля.

О военных действиях в Северной Африке в годы Второй мировой войны россияне знают обычно не так много: да, воевали там союзники, разбили войска «оси», не дали фашистам перехватить у Англии и Франции их арабские колонии, установить контроль над Суэцким каналом... Немного помогли и нам, ведь если бы не было североафриканского театра военных действий, то завязшие там фашистские войска были бы наверняка переброшены на восточный фронт. А в общем, не те задачи, не те масштабы.

Иное дело на Западе. Для союзников битва при Эль-Аламейне стала едва ли не крупнейшим сражением всей войны. По мнению тогдашнего британского премьера Уинстона Черчилля, эта битва «повернула вспять ход войны». Слова эти, кстати говоря, выбиты на фасаде мемориала союзников в Эль-Аламейне. Фельдмаршал Бернанд Монтгомери, командовавший при Эль-Аламейне войсками союзников (они были сведены в 8-ю британскую армию), сравнивал эту битву со Сталинградской битвой. Уже после войны маршал Георгий Жуков пожурил легендарного Монти за некорректное сравнение. «Ни в коем случае не желая приуменьшить заслуги английских войск, я все же был вынужден разъяснить ему, что операция в районе Эль-Аламейна была операцией армейского масштаба, – отмечал Жуков в своих мемуарах. – В Сталинграде же действовала группа фронтов, осуществлявшая операцию крупного стратегического значения, вследствие которой крупнейшая группировка немецких войск и войск их союзников была разгромлена в районе Волги и Дона, а затем и Северного Кавказа».

Впрочем, и на Западе люди объективные еще в годы войны понимали разницу между Эль-Аламейном и Сталинградом. «Мы следили за каждодневными перипетиями обстановки в этой войне нескольких дивизий, – писал в вышедшей в 1943 году в Лондоне книге репортажей о североафриканской кампании корреспондент английской газеты «Дейли Геральд» Александр Остин. – И забывали, что русские сражаются с двумя сотнями немецких дивизий. Русский военный корреспондент, посетивший нас, заметил: “Вы ведете маленькую войну, а мы большую”. Это было как раз накануне Сталинграда, когда триста тысяч солдат армий фон Паулюса были уничтожены или взяты в плен».

Но довольно оценок. Давайте теперь посмотрим, как протекали военные действия в Северной Африке до и после Эль-Аламейна.

До Эль-Аламейна

Первый выстрел сделали итальянцы. В роковой для себя день, 13 сентября 1940 года, итальянские войска, находившиеся в Ливии, вторглись в Египет. Формально он был с 1922 года независимым государством, но сохранял «особые» отношения с бывшей метрополией, Великобританией. После капитуляции Франции Муссолини казалось, что Германия уже выиграла войну, и он спешил отхватить свой кусок пирога. «Если Италия желает сидеть за столом мирных переговоров, когда будет делиться мир, она должна вступить в войну и сделать это побыстрее», – заявил дуче 26 мая своим маршалам.

Момент казался благоприятным, а будущий кусок жирным. С запада, из французских Туниса и Алжира, после поражения Франции опасность итальянским войскам в Ливии уже не грозила. Италия держала там четверть миллиона солдат, а англичане в Египте – всего 30 тысяч. Правда, итальянская армия была плохо вооружена и недостаточно мобильна, но Муссолини считал, что гигантский перевес в живой силе гарантирует ему легкую победу.

Египет действительно был жирным куском. Крупная страна с многочисленным населением и богатыми природными ресурсами, не чета Ливии. Мост между Африкой и Азией. Добавьте сюда Суэцкий канал. Для Италии контроль над ним был особенно важен, поскольку в 1935–1936 годах она захватила Эфиопию, где к началу военных действий против Египта все еще находилась 300-тысячная армия, а кратчайший путь ее снабжения как раз и шел через Суэцкий канал.

Воюют, однако, как известно, не числом, а умением. Продвинувшись за несколько дней по территории Египта примерно на сто километров, до местечка Сиди-Баррани, итальянцы остановились. Английская разведка нащупала слабые места противника, и 9 декабря 1940 года «томми» перешли в наступление. Успех оказался ошеломляющим. Итальянцы бежали или сдавались в плен. Через три дня в плену у англичан уже было 39 тысяч человек – больше, чем численность британских войск. Один командир батальона даже заявил, что захватил «5 акров офицеров и 200 акров рядовых». К 8 февраля 1941 года, практически не встречая сопротивления, англичане, на помощь которым пришла из Палестины австралийская дивизия, преодолели около тысячи километров и приблизились к столице Ливии, Триполи, расположенной на западе страны. За это время итальянцы потеряли 130 тысяч человек убитыми и ранеными, а союзники – всего 2 тысячи.

Североафриканский театр военных действий сильно отличался от европейского. Прежде всего – климатом и характером местности. В прибрежной полосе Средиземного моря шириной 60–80 километров, где в основном и шли бои, температура воздуха днем с мая по октябрь превышает 30 градусов, облачность – явление редкое, и солнце нагревает предметы до 70–80 градусов. «Тот, кому довелось хотя бы раз в знойный июльский день посидеть на чердаке дома, покрытого листовым железом, еще может составить себе кое-какое представление о самочувствии экипажей танков и бронемашин в пустыне – на дневном марше или в бою, – пишет польский историк Стефан Чмур в своей книге «Эль-Аламейн. 1942», изданной в переводе на русский язык в Москве в 2003 году. – Приготовить яичницу на крыле автомобиля или на броне танка, а такие сценки нам не раз показывали в фильмах, не представляло трудности».

Дожди на побережье выпадают только поздней осенью или зимой, но подчас довольно сильные. Однажды в конце октября я еле доехал на машине от Александрии до Рашида (Розетты). Прибрежное шоссе после прошедшего ливня местами было сильно подтоплено. Посередине огромных луж стояли заглохшие машины, хлебнувшие выхлопными трубами воду. Я внимательно следил за маневрами идущей впереди легковушки, водитель которой старательно отыскивал места помельче, и не без успеха.

Но все это происходило на асфальте. Пустыня же после дождя превращается в топкое болото, и проехать по ней ни на колесах, ни даже на гусеницах становится невозможно.

В сухую же погоду существует другая проблема. Пустыня покрыта даже не песком, а песчаной пылью. Ветерок с моря дует почти постоянно, и поднятая им пыль проникает практически всюду. Она лезет в глаза, рты, уши. Но особенную опасность представляет для техники и оружия. В годы войны на каждой машине и на каждом самолете приходилось устанавливать специальный воздушный фильтр, но все равно двигатели изнашивались быстрее, чем в Европе. Песок попадал в ходовую часть танков и бронетранспортеров, разрушая ее.

Песчаная пыль демаскировала движение войск. Идущие по пустыне колонны было видно издалека, особенно с воздуха. Их было легко выследить и бомбить.

Значительная часть прибрежной пустыни камениста. По ней можно ездить, но выскакивающие из-под колес камни ударяют о днища и ходовую часть машин и быстро приводят их в негодность. А окопаться в таких местах вообще практически невозможно.

Местность, где проходили бои, преимущественно равнинная, и это создавало проблемы с маскировкой войск. Но встречаются на ней и невысокие холмы, удобные для обороны. Возле них частенько и происходили кровопролитные столкновения.

Неожиданной проблемой для войск стали полчища мух. Они не только изводили солдат, но и служили разносчиками инфекции. В британской армии даже были созданы специальные отряды для борьбы с мухами. Увы, толку от их усилий было немного. Особенно набрасывались мухи на тела убитых.

Одна из главных особенностей североафриканского театра военных действий состояла в том, что он крайне слабо заселен. На территории Египта от Александрии до границы с Ливией есть всего один городок, Мерса-Матрух. В Ливии от египетской границы до Триполи – два города, Тобрук и Бенгази. Причем портовыми городами были только Александрия, Тобрук и Бенгази. Именно через них вооруженные силы противников получали подкрепления, технику, боеприпасы, горючее, продовольствие. Союзникам было проще, поскольку у них в тылу находилась густо населенная долина Нила с ее сельскохозяйственными угодьями и промышленностью. Фашистам же приходилось буквально все завозить из Европы.

Критической проблемой для воюющих была вода. Она ведь нужна не только для людей, но и для техники. Немногочисленные колодцы не могли удовлетворить потребностей войск. К тому же отступающий противник нередко приводил их в негодность, заливая соляной или засыпая солью. В обеих армиях существовали довольно многочисленные отряды, единственной задачей которых был поиск и доставка воды. И все же она практически всегда была острым дефицитом.

Военные действия в Северной Африке могли бы кончиться еще в феврале 1941 года, если бы Черчилль не приказал перебросить самую опытную часть бойцов и большую часть авиации из Ливии в Грецию, у границ которой Гитлер сосредоточил около 600 тысяч солдат. Увы, защитить Балканы от фашистского вторжения это не помогло. Зато более чем на два года продлило североафриканскую кампанию.

Гитлер стремился к мировому господству, а стало быть, и к контролю над Африкой. Но это не означает, что он планировал полную оккупацию Африканского континента. Фашистские стратеги разбили его на три части. Прямое господство рейха предполагалось лишь в Центральной Африке – от Атлантического до Индийского океана. Северную же часть континента гитлеровцы намеревались отдать в колониальное управление своим союзникам – Италии, Испании и вишистской Франции, а контролировать ее через свои военные базы. Из Южной Африки предполагалось изгнать англичан и установить там лояльный Германии режим.

Словом, Гитлер не планировал вторгаться в Северную Африку. Но позорное поражение союзников-итальянцев в Ливии вынудило его сделать это. 3 февраля 1941 года фюрер сказал офицерам своей ставки, что потеря Северной Африки не слишком важна с военной точки зре-

ния, но может оказать сильное негативное воздействие на Италию. К тому же это освободит дюжину британских дивизий. «Мы должны всеми силами помешать этому», – заключил Гитлер.

По приказу фюрера началось срочное формирование Африканского корпуса в составе двух дивизий – одной танковой и одной легкой. Командиром корпуса Гитлер назначил своего любимчика генерал-лейтенанта Эрвина Роммеля. Уже 12 февраля Роммель прилетел в Триполи.

Африканский корпус должен был прибыть в Ливию лишь к концу мая. Но узнав, что Черчилль перебросил лучшие части в Грецию, Роммель решил начать наступление имевшимися в его распоряжении итальянскими войсками уже 31 марта. Командующему сопутствовала удача. Союзники отступили к восточной границе Ливии, к крепости Тобрук. Ее осада войсками «оси» началась 20 апреля и продолжалась 242 дня. Одновременно фашисты с ожесточением бомбили Александрию.

Прибытие Африканского корпуса укрепило позиции фашистов. Но и союзники не дремали. Они перебросили в Ливию подкрепления. Головной болью для Роммеля стали действия британской авиации и флота, базировавшихся на острове-крепости Мальта. Две трети отправляемых в Ливию для войск «оси» грузов уходило на морское дно. В Африканском корпусе возник острый дефицит боеприпасов и продовольствия. И тогда Гитлер перебазировал с восточного фронта на Сицилию 2-й воздушный флот. Его задача состояла в том, чтобы нейтрализовать Мальту.

К тому времени войска «оси» уже были серьезно ослаблены. В ночь на 5-е декабря 1941 года осада Тобрука была снята. Потери фашистских войск превысили 38 тысяч – треть всего личного состава. Казалось, еще рывок – и союзники вновь подойдут к Триполи. Но на этот раз именно они недооценили противника.

Базировавшейся на Сицилии немецкой авиации удалось в значительной степени нейтрализовать Мальту. Это дало возможность итальянцам привести в Ливию крупный морской конвой. Кроме продовольствия, горючего и боеприпасов на борту судов были танки и бронемашин. И Роммель, перегруппировав силы, вновь решил рискнуть. 21 января 1942 года он отдал приказ о наступлении – и не ошибся. Итало-германские войска смяли оборону союзников, захватили Бенгази и опять подошли к Тобруку. 26 мая они начали новое наступление. Упорные бои продолжались почти месяц. 21 июня Тобрук пал. Союзники понесли большие потери и отступили на территорию Египта, к Эль-Аламейну, возле которого была создана оборонительная линия. Над ними нависла угроза разгрома, а над Египтом – итало-немецкой оккупации.

Ситуация становилась критической. «Когда мы подъезжали к Александрии, над городом пылало зарево пожаров, по небу гудели германские авионы, а земля дрожала от гула канонады, и на ней было очень неуютно», – писал русский эмигрант Анатолий Марков в книге «Родные гнезда», опубликованной в Сан-Франциско в 1962 году. В годы войны он, житель Александрии, был офицером связи между союзным командованием и египетским правительством. По словам Маркова, 30 июня 1942 года английский флот и войска были эвакуированы из Александрии, порт и мосты через идущий от Нила канал заминированы.

Эль-Аламейн

Но союзники выстояли. Помогло мудро выбранное главнокомандующим британскими войсками на Ближнем Востоке генералом Клодом Окинлеком место для оборонительной линии протяженностью 65 километров. Ее южный фланг надежно защищала обширная Катарская впадина, лежащая ниже уровня моря. 20 тысяч квадратных километров заполнены там болотами и сыпучими песками и совершенно непроходимы для войск.

Вечером 30 июня Роммель отдал приказ войскам «с максимально возможной скоростью наступать в направлении Каира». Однако фашистские части были измотаны боями под Тобрукком и многокилометровым броском к Эль-Аламейну, их обозы отстали. Активно действовала британская авиация. Так что прорвать оборону союзников они не смогли. К вечеру 4 июля на фронте наступило затишье.

«В Каир я прибыл 7 августа, – писал в своих «Военных мемуарах», изданных в Москве в переводе на русский язык в 1960 году, лидер Свободной Франции и будущий президент страны генерал Шарль де Голль. – Атмосфера там была столь же удушливая, как и жара. Общее настроение свидетельствовало о том, что недавние неудачи 8-й армии еще отнюдь не забыты. Хотя продвижение Роммеля уже полтора месяца как приостановилось, он находился в Эль-Аламейне, откуда его танки могли за два часа достичь Александрии. В правительственных кругах, в посольстве, в генеральном штабе – повсюду англичане с беспокойством следили за загадочными действиями короля Фарука и многих видных египтян, которые, по-видимому, готовы были примкнуть к державам оси, в случае если они одержат победу...

Что касается английских военных деятелей, то генерал Окинлек сохранял спокойствие, держался просто, со свойственной ему прямоотой... В Египет во все большем количестве прибывали хорошо оснащенные и свежие английские части, доблестные военно-воздушные эскадрильи, а также отборное военное снаряжение – все это направляло сюда щедрой рукой лондонское правительство в связи с готовящимся реваншем».

В Каире де Голль встретился с Черчиллем. Британский премьер был недоволен действиями главнокомандующего британскими вооруженными силами на Ближнем Востоке генерала Окинлека, который 25 июня взял на себя и непосредственное командование 8-й армией, защищавшей Эль-Аламейн. По мнению Черчилля, именно Окинлек был виноват в том, что британские войска откатились так далеко на восток. 6 августа он сместил Окинлека с поста главнокомандующего и назначил на его место генерала Гарольда Александера, а на следующий день появился новый командующий и в 8-й армии. Им стал генерал Бернард Монтгомери. Это был твердый и упрямый воин, хорошо показавший себя в боях в Бельгии и Франции, где и обратил на себя внимание Черчилля.

13 августа Монтгомери посетил штаб 8-й армии, располагавшийся прямо в пустыне. «Представшая моим глазам картина могла деморализовать любого, – писал он в своих мемуарах, изданный в переводе на русский язык в Москве в 2004 году. – Место неустроенное: несколько грузовиков, никаких палаток-столовых, работа делается преимущественно в грузовиках или на открытом воздухе под палящим солнцем, везде насекомые. Я спросил, где обычно ночевал Окинлек; мне сказали, что он спал на земле возле своей машины». Монтгомери приказал перевести штаб армии в Бург аль-Араб, маленькое местечко на берегу Средиземного моря, на полпути между Александрией и Эль-Аламейном, где уже размещалось командование британской авиацией.

Сменив командование своими вооруженными силами, Черчилль вылетел из Каира в Тегеран, а оттуда в Москву, где встречался со Сталиным. На обратном пути британский премьер вновь остановился в Каире и 19 августа посетил штаб 8-й армии. Стояла жара, и Монтгомери посоветовал Черчиллю искупаться перед обедом в море. «Его заинтересовала группа

солдат вдалеке, и он отметил, что забавно, что все они носят белые купальные трусы, – вспоминал генерал. – Мне пришлось объяснить ему, что в 8-й армии никто не имеет никаких купальных трусов. Весь день солдаты ходят в шортах и часто даже без рубашек, солнце сделало их тела коричневыми. То, что на расстоянии кажется белыми купальными трусами, на самом деле просто тело, которое не загорело из-за форменных шорт!»

На плечи Монтгомери легла нелегкая задача. Первым делом надо было поднять пошатнувшийся боевой дух войск, убедить своих офицеров и солдат в том, что британская армия сильнее, чем германо-итальянская. Кроме того, новый командующий, прибывший прямо из Англии, должен был проанализировать прежние ошибки своей армии, перегруппировать силы, готовя их к решительному наступлению. «Я тщательно обдумал все, что слышал о танковых сражениях в пустыне, – писал Монтгомери в своих воспоминаниях, – и пришел к выводу, что Роммельу нравилось заставлять нас атаковать его бронетехникой, – он в таких случаях располагал свои танки за щитом противотанковых орудий, разбивал наши машины, а потом свободно выходил на оперативный простор. Я твердо решил не допускать ничего подобного, если Роммель пойдет в атаку до того, как мы подготовимся к собственному полномасштабному наступлению. Я не позволю своим танкам бросаться на него, мы будем стоять на позициях в Аламейне, надежно держать горные хребты Рувейсат и Алам-Хальфа, и пусть он о них бьется. Мы будем вести позиционную войну, и мои силы не сдвинутся с места – его танкам придется идти на наши машины, вкопанные в скрытые позиции на западной оконечности горного хребта Алам-Хальфа».

Так и вышло.

Роммель спешил. «Гитлер гнал все подкрепления и ресурсы на Восточный фронт и считал Северную Африку не более чем досадной помехой, – писал американский историк Сэмюэль М. Митчем в своей книге «Величайшая победа Роммеля», изданной в переводе на русский язык в Москве в 2002 году. – Поэтому Роммель не получил ни одной свежей дивизии. С другой стороны, для англичан Северная Африка оставалась единственным театром, где они сражались с немцами лицом к лицу. Черчилль и его подчиненные – с помощью американских союзников – отправляли войска и снабжение в Египет и Ливию в самую первую очередь. Они не жалели ничего, чтобы подготовить 8-ю армию к сражению. Союзники превосходили Роммеля абсолютно во всем. Их численное превосходство в танках было особенно ощутимым. Но более важным было то, что английские танки по качеству в основном превосходили немецкие».

Роммель прекрасно понимал, что время работает против него. Британские саперы каждый день расширяли минные поля перед передним краем обороны. По данным германской разведки, в сентябре в Египет должны были прибыть 100 тысяч тонн грузов для армии. Подтягивались и подкрепления. Надо было начать наступление как можно раньше.

План Роммеля, произведенного Гитлером в фельдмаршалы за недавнее взятие Тобрука, был таков. На северном участке фронта итальянские войска проводят отвлекающую операцию, а главный удар, в районе холмов Алам-Хальфа, наносят удар немецкие танкисты, после чего поворачивают на север и окружают 8-ю армию. Естественно, удар должен был быть внезапным. Роммель, конечно, не знал, что британская разведка смогла найти ключ к немецкой шифровальной машине, и Монтгомери известно о готовившейся операции.

В ночь на 31 августа фашисты предприняли попытку прорвать оборону союзников у высот Алам-Хальфа. Они были встречены ураганным огнем. Британская авиация господствовала в воздухе. За неделю боев войскам держав «оси» так и не удалось добиться успеха. Боеприпасы и горючее были у них на исходе, и Роммель приказал прекратить наступление.

Создавая у Эль-Аламейна мощный кулак, англичане одновременно вели переговоры с американцами об их участии в военных действиях. Еще в июне Англия и США обещали Советскому Союзу открыть до конца года второй фронт в Европе. Президент Франклин Рузвельт был склонен выполнить это обещание. В Вашингтоне считали, что основной удар надо нано-

силь против главного врага – самой Германии. Иной точки зрения придерживались в Лондоне. Уинстон Черчилль настаивал на стратегии «стягивания обруча»: сначала изгнать фашистов из Северной Африки, защитив тем самым стратегически важные Суэц и Гибралтар, а уж затем через Италию, слабое звено «оси», ударить с юга по Германии. То, что это затянет войну и дорого обойдется Советскому Союзу, британский премьер в расчет не принимал. Рузвельт был вынужден согласиться с ним.

Черчилль рассчитывал на то, что наступление союзников у Эль-Аламейна начнется в конце сентября. Но Монтгомери не спешил. Он считал, что лучший способ победить Роммеля – обескровить его силы в битве за выживание, когда выигрывает тот, у кого больше войск, снаряжения и запасов.

В этом плане союзники находились в значительно лучшем положении, чем державы «оси». У них под боком была Александрия, а коммуникации противника оказались чрезвычайно растянуты. Ближайший порт, Тобрук, находился на расстоянии почти 500 километров от линии фронта, но и его можно было использовать лишь частично, поскольку британская авиация регулярно бомбила этот город. Путь грузовиков до более безопасного Бенгази и обратно занимал 7 дней, а до Триполи – целых 12 дней.

Из-за жары вести боевые действия было легче ночью, а для этого надо было дожидаться полной луны. Монтгомери выбрал ночь на 24 октября и убедил Черчилля в том, что начинать наступление на месяц раньше невозможно.

Британское командование пришло к выводу, что основной прорыв обороны противника целесообразнее осуществить на севере. На южном же участке фронта установили массу макетов машин и прочей техники. Там даже начали строить ложный трубопровод от настоящего водохранилища. Все это должно было создать у фашистского командования впечатление, что основной удар будет нанесен на юге. И действительно, ни немцы, ни итальянцы не обнаружили выдвижение частей 8-й армии на исходные позиции.

Поздно вечером 23 октября 1942 года армия союзников перешла в наступление. Историки приводят неодинаковые цифры численности войск противников, но сходятся на том, что союзники имели по крайней мере двукратное превосходство – примерно 200 тысяч на 100. Тем не менее наступление развивалось трудно. К утру 25 октября войска так и не решились поставленную перед ними задачу – прорвать главную оборонительную линию врага.

Британская разведка донесла, что Роммель перебросил основные немецкие части на север, в район главного удара союзников. И Монтгомери решил, продолжая наступление на севере, перенести его острие на юг, против итальянцев, показавших себя в боях слабее немцев. Вечером 30 октября союзники возобновили наступление на севере, готовясь тем временем к прорыву фронта на юге. Там наступление началось в ночь на 2 ноября. Прорыв удался, британские части ворвались в тыл противнику. Над войсками держав «оси» нависла угроза разгрома. В 19.15 2 ноября Роммель оповестил телеграммой Гитлера, что дальнейшее сопротивление под Эль-Аламейном невозможно. Фюрер ответил в 15.30 на следующий день приказом: «Ни шагу назад!»

«Солдатская психика устроена таким образом, – пишет Стефан Чмур в уже упоминавшейся книге «Эль-Аламейн», – что когда начинается время сомнений, порой достаточно одной неудачи, чтобы от высокого морального состояния войск не осталось и следа. И все указывает на то, что 3 ноября подобные настроения охватили армию Роммеля. Твердая до сих пор оборона стал размягчаться. Раз брошенная мысль об отходе на безопасные позиции застряла в головах, и ее трудно было оттуда вытащить. Всякий, даже совсем незначительный успех 8-й армии мог вызвать цепную реакцию неудач в стане противника и привести к поражению».

Именно это и случилось. Монтгомери бросил в пролом на южном участке фронта танковые части, начавшие преследовать отходящего противника. 4 ноября в 11.15 Роммель уве-

домил Гитлера о том, что отдал приказ об отступлении. Символично, что в этот день попал в плен командир германского Африканского корпуса генерал Риттер фон Тома.

Сражение при Эль-Аламейне германо-итальянские войска проиграли. Потери были очень велики: треть личного состава, больше половины танков. Потери союзников оказались значительно меньше.

5 ноября английские газеты сообщили: «Великая новость из Египта: враг разгромлен, наше наступление продолжается!». Роммель спешно отводил оставшиеся потрепанные части на запад. И, надо сказать, ему везло. «Сильный дождь дважды спасал силы Роммеля от полного разгрома, – вспоминал Монтгомери. – Первый раз – 6 и 7 ноября, когда три наших дивизии “увязли” в пустыне, потеряли способность двигаться, и мы не могли даже доставить им горячее; эта задержка спасла Роммеля от полного окружения в Мерса-Матрухе. Второй раз – 15, 16 и 17 ноября, когда страшный ливень не позволил нашим частям пройти через пустыню в направлении Адждабии, чтобы отрезать врага до того, как он достигнет позиций у Агейлы». Темпы преследования были велики. Через неделю, 11 ноября, войска союзников, преодолев от Эль-Аламейна более 400 км, вступили в Ливию, а на следующий день заняли многострадальный Тобрук.

Тем временем в северо-западной части Африки уже вовсю шла разработанная союзниками операция «Факел». 8 ноября США и Англия начали высадку мощных десантов на побережье Марокко и Алжира. К 1 декабря численность там союзных войск, которыми командовал будущий президент США, генерал Дуайт Эйзенхауэр, насчитывала четверть миллиона человек, и они начали наступление на восток, в Тунис. Войска «оси» оказались в клещах. В североафриканской кампании наступил заключительный этап.

После Эль-Аламейна

И все же для того, чтобы окончательно очистить Северную Африку от фашистов, понадобилось еще полгода. Они окопались в Тунисе и отчаянно отбивали атаки превосходящих сил союзников. Недаром вышедшая в США в 2001 году и год спустя переведенная на русский язык книга американского историка Рольфа Дэвида называется «Кровавая дорога в Тунис».

Почему же дорога в Тунис оказалась столь долгой и столь кровавой? На это было несколько причин. Главная из них состояла в том, что союзники не стали высаживать десант непосредственно в Тунисе. Его основной порт, Бизерта, находится недалеко от Сицилии, где базировалась фашистская авиация, и союзники побоялись, что десантная операция там может обернуться большими потерями. Этим тут же воспользовались Германия и Италия. Уже 9 ноября они начали переброску своих войск в Тунис, где их до этого не было. Страну контролировали французские коллаборационисты, которые подчинялись правительству маршала Петэна, образованного после капитуляции Франции в Виши. К концу декабря численность войск «оси» в Тунисе достигла 130 тысяч человек.

«Мы были вынуждены покинуть Бизерту, когда итало-немецкие войска высадились в ноябре 1942 года и начались бомбардировки, разрушившие город на 70 процентов», – писала в книге воспоминаний «Бизерта. Последняя стоянка», вышедшей в Москве в 1999 году, патриарх русской эмигрантской общины в Тунисе Анастасия Александровна Ширинская. В 1920 году в Бизерту, самый северный город Туниса с отличной бухтой, прибыла русская Черноморская эскадра, экипажи которой отказались служить Советской власти. С тех пор в Бизерте проживала довольно многочисленная русская община. В 1939 году бывшие моряки построили в городе небольшой православный храм свт. Александра Невского, существующий и поныне. По свидетельству Ширинской, в 1942 году он очень пострадал от бомбардировок. Войска держав «оси» использовали Бизерту как основной порт, через который в Тунис перебрасывались подкрепления, оружие и продовольствие.

Другая причина трудностей союзников крылась в том, что их войска, высаженные в Марокко и Алжире, не имели опыта боевых действий. Столкнулись же они с хорошо обстрелянным противником.

И, наконец, сыграли свою негативную роль и особенности местного театра военных действий. Он «ничем не напоминал пустыню, по которой 8-я армия гнала Роммеля», – пишет Дэвид Рольф. Действительно, когда едешь на машине из Сфакса в город Тунис, то сравниваешь пейзаж вовсе не с плоским побережьем Египта и Ливии, а с холмистой Палестиной. Северо-восток Туниса, где закрепились войска держав «оси», покрыт заросшими кустарником невысокими горами, которые очень удобно оборонять. Крутые вадии, русла сезонных селевых потоков, служили естественными противотанковыми рвами. В период дождей по ним неслись бушующие потоки, а дожди в Тунисе, расположенном севернее, чем Египет и Ливия, зимой идут довольно часто.

К середине декабря 1-я британская армия остановилась в 60 км на юго-запад от города Тунис, причем господствующие высоты остались у неприятеля. Линия фронта протянулась с севера на юг, разрезав Тунис примерно пополам. Густонаселенные приморские районы страны контролировали немцы.

Тем временем 8-я британская армия, наступавшая с востока, выбила германо-итальянские войска с рубежа обороны в Эль-Агейле в Ливии и двинулась в сторону Туниса. 23 января 1943 года союзники вошли в Триполи. 4 февраля Монтгомери устроил там военный парад, на котором присутствовал сам Черчилль.

Войска Роммеля отошли в Тунис, за так называемую «линию Марет». Это были старые французские укрепления между холмами и морем, шириной примерно 35 км. Войска держав

«оси» восстановили их и построили новые. От холмов по песчаной равнине к побережью шли многочисленные вадии. Так что преодолеть этот рубеж было непросто.

Англо-американские войска продвигались на восток медленно, буквально на ощупь, понемногу набирая боевой опыт. В середине февраля они получили болезненный удар в районе горного прохода Кассерин и понесли значительные потери.

Удачнее складывались действия 8-й армии. 20 марта она начала наступление на «линию Марет». Лобовой удар сопровождался обходным маневром. Через неделю войска «оси» стали спешно отступать на север. К этому времени Роммель уже покинул Африку.

Генеральное наступление союзники начали в конце апреля. Медленно, но верно они продвигались по всему фронту, тесня противника. 13 мая 1943 года военные действия в Северной Африке полностью завершились. Фашистские войска в Тунисе капитулировали. В плену у союзников оказались примерно 230 тысяч итальянцев и немцев – не столько военнослужащие, сколько многочисленная колониальная администрация Ливии.

За победу союзники заплатили высокую цену. В боях за Тунис они потеряли 70341 человека убитыми, ранеными и пропавшими без вести. «Точных данных о потерях немцев и итальянцев нет, – пишет Дэвид Рольф. – Считается, что убитыми они потеряли 8563 и 3727 человек соответственно. К ним следует добавить пропавших без вести и раненых, эвакуированных до капитуляции. Но в целом потери союзников оказались гораздо выше, чем у армий “Оси”». Историки подчас критикуют некоторые решения союзного командования, считая, что они привели к излишним жертвам. Но никому и в голову не приходит написать, что победа пришла потому, что союзники «завалили врага трупами своих солдат».

По всей Северной Африке – от Египта до Марокко – разбросаны военные кладбища союзников. Но такого обширного кладбища, как в Эль-Аламейне, нет нигде. 7367 могил разделены на сектора-батальоны поперечными дорожками. У входа на кладбище – колоннада-кенотаф, на стенах которого выбиты 11945 имен тех, кто в разное время погиб в Северной Африке и чьи могилы не установлены. Ведь, как известно, во время войны хоронят своих только во время наступления... А над братскими могилами немецких и итальянских солдат сооружены внушительных размеров мемориалы. Есть в Эль-Аламейне и военный музей. Его экспонаты рассказывают о противоборствовавших армиях, а во дворе выставлены образцы тяжелой техники того периода. Минные поля в районе сражения до сих пор полностью не ликвидированы и время от времени собирают свою кровавую жатву.

Каждый год в ближайшее к 23 октября, дню начала наступления союзников, воскресенье в Эль-Аламейн съезжаются тысячи людей. Ветеранов сражения среди них все меньше и меньше, но число желающих почтить память погибших все так же велико. Бывшие противники давно примирились, Европа объединилась, и траурные церемонии проходят по очереди на одном из трех основных мемориалов – британском, немецком или итальянском. К подножью мемориалов ложатся венки из живых цветов. К вечеру Эль-Аламейн пустеет, а на следующее утро туда опять обычно приезжают туристические автобусы. Ибо память о той страшной войне передается из поколения в поколение.

Глава вторая

Наши в Александрии

Для жителей Александрии, «северной столицы» Египта, Вторая мировая война началась 12 июня 1940 года. В этот день итальянская авиация впервые совершила воздушный налет на александрийский порт, служивший крупнейшей в Восточном Средиземноморье британской военно-морской базой.

Согласно переписи населения Египта 1937 года, в этой стране проживали 1176 русских, половина из них – в Александрии. Это были эмигранты, осевшие в Египте еще в 1920 году. Советского посольства не было, оно появилось лишь в конце 1943 года. Не было и советских людей.

По крайней мере двое «русских александрийцев» вели во время войны дневник. Автор одного из них – священник Алексей Дехтерёв (2.5.1889, Вильнюс – 19.4.1959, Вильнюс), настоятель храма Св. Александра Невского, чей дневник был опубликован еще в начале 1950-х годов. Знакомство с ним впереди.

Другой дневник вел капитан англо-египетской полиции Анатолий Львович Марков (28.12.1893, Курская губерния – 10.8.1961, Сан-Франциско). Я упоминал о нем в первой главе. Дневник хранится в архиве Маркова, который одна из его дочерей передала в 2010 году Дому русского зарубежья им. А.И. Солженицына в Москве. Узнал я о нем год спустя, когда выступал там с лекцией «Русская диаспора в Египте». Перед зрительным залом в стеклянном шкафчике демонстрировались документы по теме лекции, в основном мои. Но было там и кое-что еще, представленное самими сотрудниками Дома. Дневник Маркова был подлинным сюрпризом. Он представлял собой пухлую папку в 435 листов, текст напечатан на машинке с одним интервалом и с оборотом и переложено вырезками из франкоязычной египетской прессы.

Через несколько дней я вернулся в Дом русского зарубежья и углубился в изучение дневника Анатолия Маркова. Он содержал записи о всех крупнейших событиях Второй мировой войны в целом, в том числе и на Восточном фронте. Однако в дневнике немало информации и об обстановке в самом Египте. В целом свидетельства Маркова о ситуации в Александрии совпадали с описаниями Дехтерёва, но тематика записок офицера шире, чем священника. Так, он упомянул о бомбардировках Каира и зоны Суэцкого канала, описал крупнейшие политические события в Египте и некоторые происшествия в Александрии. Да и язык совсем другой.

Под бомбами фашистов

«Вторник, 22.10.1940. В городе странная психология, все очень тревожатся из-за политики на Балканах и лихорадочно следят за тем, что делают немецкие войска в Румынии, но совершенно не интересуются и не боятся итальянского фронта, который всего в 250 километрах от города, точно он не существует, и итальянцы не представляют собой никакой опасности. Старая репутация итальянской армии держится крепко».

«Вторник, 13.11. Воздушные тревоги в Александрии дважды в день, и залы синема (кинотеатров. – *В.Б.*), показав красный сигнал и выпустив желающую публику, продолжают представление, иначе невозможно работать. Ввиду почти полнолуния итальянские налеты приурочиваются около 8 час. вечера. Бомбардируют порт и Абу-Кир, каковы результаты этих бомбардировок – власти скрывают, хотя несомненно, что каждый раз имеются и убитые, и разрушения».

В воскресенье, 17.11, на Александрию было несколько налетов. «В Рас эль-Тине разбита бомбами школа, мясная и два или три дома, около 30 убитых и раненых; в Абу-Кире в абри (убежище. – *В.Б.*) задавлено и убито несколько десятков людей и наконец в последний налет пойманный прожекторами аэроплан сбросил все свои бомбы, чтобы удрать, на арабский квартал Кармус вокруг площади Баб эль-Сидра и в районе улицы Эль-Нил. Этот квартал перенаселен и состоит из едва державшихся от старости трех- и четырехэтажных домов. Я был на месте несчастья и видел, что там произошло. Много домов обрушилось совершенно, и под грудой камней и развалин побито все население. В других домах вдоль целых улиц выбиты передние стены и обрушились, уж не говоря о дверях и окнах, в них побита и переранена масса людей. Убитых и раненых надо считать несколько сотен человек, так как огромное число трупов осталось под развалинами, и нужна работа нескольких дней, чтобы их разыскать. Пока вытаснено около сотни трупов, но сколько их еще предстоит добыть».

Понедельник, 25.11. 87-я бомбардировка рано утром. «Бомбардировали исключительно мирное население, не обращая внимания на военные объекты. Бомб было сброшено около 20, причем все в районе, где нет никаких военных целей... Убито 4 человека, ранено до 30. Нападение жестокое, дикое и ничем не оправдываемое, кроме бессильной злобы».

«20 декабря ходил смотреть в Сиди Габер итальянских пленных. Вид у них далеко не боевой и весьма истомленный. Итальянские семьи в Египте уже больше не мечтают о победах, а только о том, чтобы их родные скорее бы попали в плен к англичанам и кончили б с опасностями».

21 февраля 1941 г. Марков записал в дневнике, что 30 января бомбардировкам подверглись Суэц и суда на Суэцком канале. В тот же день проходившее по каналу финское судно разбросало магнитные мины. Канал был закрыт на 9 дней. В записи от 11 марта упоминаются новые налеты на Суэц и отмечено, что Суэцкий канал работает с перебоями.

«Четверг, 19-го июня. За прошедший срок пришлось пережить нам, жителям Александрии, самые сильные ощущения с начала войны. В ночь с 7-го на 8-е немецкая авиация подвергла город бомбардировке, от которой Александрия сильно пострадала и много пережила. Воздушная тревога была подана в 11 часов ночи 7-го, это была по счету СТО СЕМНАДЦАТАЯ тревога. На город налетело до 75 немецких аппаратов, которые бросили бомбы в 16 местах города, главным образом в порту и в районе квартала Лабан, где совершенно был снесен с лица земли квартал проституции, т. н. Кам Букир, или Генина, то же произошло в Табари, Мексе, Минет Эль-Бассан и у нас в Ибрагимие. Огромные мины были спущены на парашютах, которые произвели неопишное разрушение. На Ибрагимие бомбы попали в двух местах – одна на Абукирском шоссе у станции Шелла, разрушила весь квартал, до 20 домов, и перебила массу людей, другая позади нашего дома на улице Гирга разрушила почти всю улицу.

Страшным взрывом, свалившим меня на землю, у нас в доме были сорваны и разбиты в песок окна и сорваны две двери, пострадали почти все русские дома, сосредоточенные в этом районе, однако к счастью квартира, наиболее пострадавшая и совершенно разрушенная, оказалась генеральши Гельмгольц, которая в эту ночь ночевала не дома, а у знакомых, что ее и спасло.

Налет закончился в 1 час 20 утра, после чего мы бросились с тюфяками и подушками провести остаток ночи в большом доме по соседству, где уже ночевали в прошедшие бомбардировки. Не успели перебраться, как была снова подана СТО ВОСЕМНАДЦАТАЯ тревога, начавшаяся в 2.10 и окончившаяся в 5 часов 30 минут утра. Грохот взрывов и канонада были неопишутемы, весь город трясся вместе с домами, но к счастью в районе Рамле бомб не было сброшено. Наутро в городе, когда подсчитали разрушения и жертвы, началась паника. Население бросилось спасаться по всем дорогам. За автомобили платили по несколько десятков фунтов, на железной дороге творилось столпотворение. Правительство объявило проезд из Александрии по ж.д. бесплатно, и в первые три дня после бомбардировки 250.000 человек покинуло город. Этому способствовали распущенные кем-то слухи о том, что немцы по радио предупредили, что снесут Александрию с лица земли. Наша семья, потрясенная бомбардировкой, на третий день после бомбардировки также проехала в Джанаклис, где и пробыла неделю для отдыха. Несмотря на 80 верст расстояния, оттуда не только прекрасно слышна, но и видна бомбардировка Александрии...

Паника, охватившая Египет в эту пору, не поддается описанию. Каир оказался совершенно переполненным, цены возросли вдвое, в провинции, которая находится между Каиром и Александрией, все деревни также переполнены, не хватает продуктов, начались от жары, скученности и антигигиенических условий эпидемии. В Александрии жизнь замерла, и половина города представляет пустыню. Убедившись, впрочем, что слухи оказались преувеличенными и немцы Александрии не разбивают, публика к сегодняшнему дню как будто начала успокаиваться и даже понемногу возвращаться в Александрию назад. Во всяком случае, из города больше не бегут. Несколько успокаивает население и тот факт, что Египетское правительство обратилось с официальным протестом в Берлин по поводу бомбардировки в Александрии мирных кварталов. Ходят слухи и о том, что не то немцы, не то итальянцы выразили сожаление по поводу такого количества жертв мусульман. Каково количество убитых и раненых – наверное не известно, так как правительство считает эту цифру в полторы тысячи, народный голос же уверяет, что погибло до 5,000».

«Среда, 25.6.41. Самое огромное политическое событие, прошедшее с момента последней записи (19.6. – В.Б.), затмевает собой все остальное и даже бомбардировки и все связанные с ними ужасы, которые мы переживаем в Александрии. 21-го июня 1941 года в 3 часа 30 минут утра Гитлер объявил войну СССР».

Анатолий Марков, противник Советской власти и профессиональный офицер, эмигрировавший в Египет весной 1920 года, вероятно, понимал, какие последствия может иметь нападение фашистской Германии на Советский Союз. Недаром он назвал эту новость «самым огромным политическим событием». Но исход войны Марков не угадал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.